

УДК 902.2(571.1)

Л.В. Панкратова, А.Г. Марочкин, А.Ю. Юракова

КУЛЬТОВЫЙ КОМПЛЕКС КУЛАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КУЗНЕЦКОМ ПРИТОМЬЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Периодизация археологических древностей юга Нижнего Притомья», проект № 14-11-42008.

Публикуются материалы первого обнаруженного в районе локализации Томской писаницы археологического памятника кулайской культуры. В небольшом по площади раскопе, заложенном на поселении Ивановка 1, выявлены археологические объекты, совокупность которых позволяет интерпретировать памятник как культовый комплекс. Сочетание подобных объектов и находок устойчиво повторяется на нескольких памятниках с кулайскими древностями, что даёт основание выделить специфический тип культовых памятников культурной общности. Факт обнаружения кулайских древностей в непосредственной близости от Томской писаницы актуализирует проблему культурной и хронологической идентификации ряда петроглифических изображений, а также открывает перспективу для изучения процесса освоения мигрантами Притомья.

Ключевые слова: ранний железный век; кулайская культурно-историческая общность; Притомье; культовый комплекс; миграции.

В 2013 г. Нижнетомским отрядом Кузбасской археологической экспедиции Института экологии человека СО РАН совместно с кафедрой археологии и этнологии Томского государственного педагогического университета проводились раскопки поселения крохалевской культуры ранней бронзы и переходного этапа от ранней к развитой бронзе Ивановка 1 в Яшкинском районе Кемеровской области (рис. 1). Помимо крохалевских поселенческих материалов на памятнике был обнаружен кулайский комплекс эпохи раннего железа, получивший обозначение Ивановка 1/2 [1].

Поселение Ивановка 1 расположено на третьей (до 13 м) надпойменной террасе правого берега р. Томи, образующей обширный (400×200 м), относительно ровный луг. С севера луг ограничен лесистыми увалами томского берега, с юга и юго-запада – течением р. Томи, с запада и северо-запада – долиной малого томского притока р. Вторая Синяя, а с востока – глубоким руслом пересохшего ручья. В значительной мере площадь памятника, расположенного в юго-восточной части этого луга, в недавнем прошлом нарушена жителями ныне исчезнувшей деревни Ивановки. Но непосредственно вдоль кромки террасы остались нетронутые участки. Раскопки проводились на двух останцах террасы, разделенных глубоким оврагом. Комплекс раннего железного века локализован на мысовидном участке в восточной части луга (рис. 2).

Характеристика комплекса. Небольшой раскоп, заложенный вдоль кромки на восточном останце террасы, имел площадь 22 кв. м (рис. 3, 1). Визуальные признаки наличия археологических объектов на хорошо задернованной и свободной от древесных насаждений поверхности отсутствовали. Раскоп был разбит с целью выявления границ крохалёвского археологического комплекса.

Стратиграфическая колонка представлена тремя напластованиями (рис. 3, 2): 1) дерн до 0,04 м; 2) гумусированный суглинок темно-серого цвета с незначительными включениями каменной крошки и мел-

кого галечника до 0,65 м; 3) «материковый» суглинок серо-желтого цвета с наличием морозобойных трещин и включениями мелкого галечника. Все культурные остатки крохалёвского времени, как и находки эпохи раннего железа, залежали в слое гумусированного суглинка. Несмотря на визуальную однородность слоя, разница в глубине залегания разновременных находок позволяет дифференцировать их стратиграфически. Керамика и немногочисленные каменные предметы крохалевского комплекса связаны с самым нижним, «предматериковым» горизонтом слоя. Они обнаружены на глубине от 0,50–0,60 м и ниже от современной поверхности. Комплекс эпохи раннего железа располагался в слое на глубине 0,30–0,40 м от дневной поверхности. Он представлен каменными сооружениями, остатками кремированного черепа, фрагментами керамического сосуда и шлифовальным камнем (сланцевым абразивом) (рис. 3, 1).

Каменные сооружения.

На различных участках раскопа обнаружены скопления галечника (каменные кладки). Они имеют овально-округлую форму, сложены из камней примерно одного размера внутри каждой конструкции, но различных в разных сооружениях.

Кладка 1 расположена в квадратах А/8, А'/8, А/9, А'/9 (рис. 3, 1, № 1), имеет форму овала, вытянутого с востока на запад, размеры 0,70 × 0,90 м, уровень основания кладки –44 см. Состоит из целого и фрагментов крупного колотого галечника (252 экз.) без следов термического воздействия. Иных находок в скоплении камней не обнаружено.

Кладка 2 обнаружена в процессе выявления восточной границы кладки 1 в квадрате А/9 (рис. 3, 1, № 2). Иначе говоря, она вплотную примыкает с востока – юго-востока к кладке 1. Объект имеет округлую форму, диаметр около 0,40 м. Уровень основания – 46 см. Состоит из мелкого, преимущественно целого галечника без следов термической обработки (67 экз.). Других находок в сооружении не выявлено.

Рис. 1. Карта-схема расположения поселения Ивановка 1:
1 – местоположение археологического памятника Ивановка 1

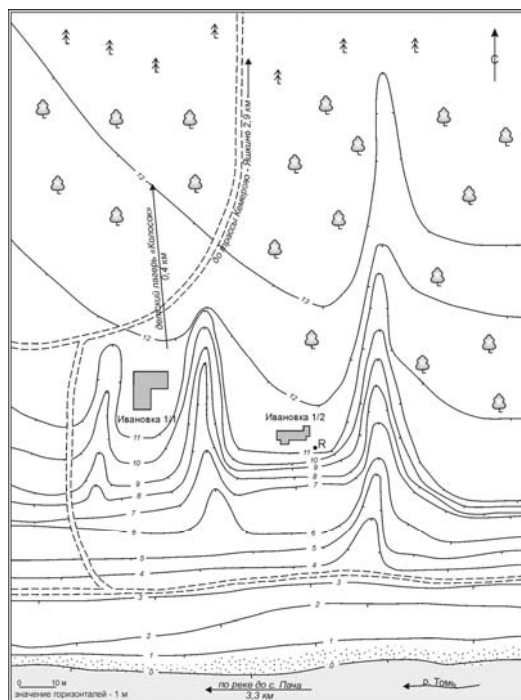

Рис. 2. Поселение Ивановка 1. Расположение крохалёвского археологического комплекса Ивановка 1/1 и кулайского археологического комплекса Ивановка 1/2. План

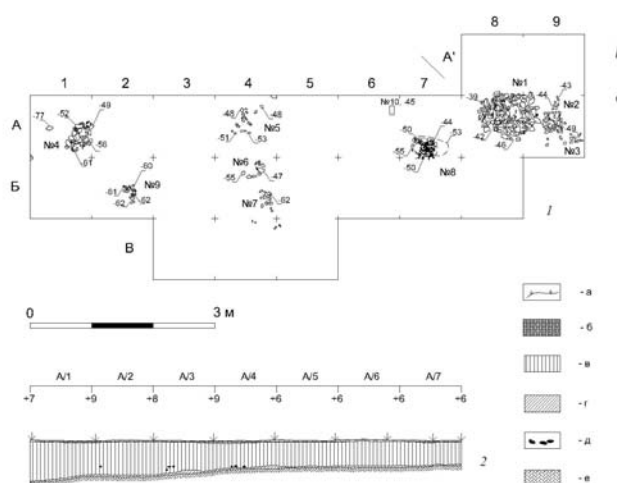

Рис. 3. Общий план исследованных объектов археологического комплекса Ивановка 1/2:
1 – границы раскопа и объекты комплекса Ивановка 1/2; 2 – профиль северной стенки раскопа;
а – современная дневная поверхность; б – дёрн; в – гумусированный суглинок тёмно-серого цвета;
г – смешанный слой гумуса и жёлтого суглинка; д – галечные включения; е – суглинок серо-жёлтого цвета («материк»)

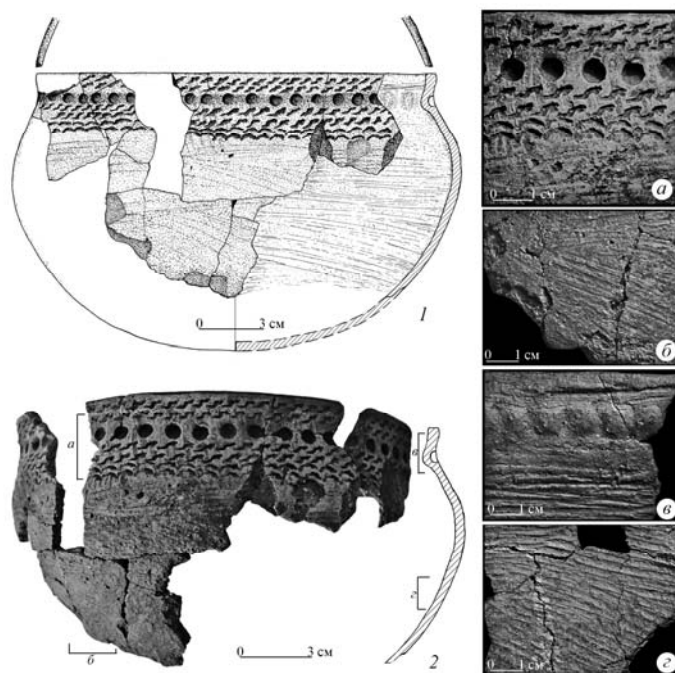

Рис. 4. Кулайский керамический сосуд: 1 – графическая реконструкция сосуда; 2 – реставрированная часть сосуда. Детализация орнамента и технологических особенностей сосуда: а – фрагмент орнаментальной композиции; б – внешняя поверхность сосуда, следы от заглаживания – «расчёсы»; в, з – внутренняя поверхность сосуда со следами от заглаживания и «жемчужинами» – бугорками от ямочных вдавлений на внешней стороне венчика сосуда

Рис. 5. Шлифовальный камень

Кладка 3 находится в юго-восточном углу квадрата А/9 (рис. 3, 1, № 3). Небольшие по размеру гальки, составляющие её, соприкасаются с юго-восточным краем конструкции 2. Уровень залегания основания объекта – 49 см. Размер и форма кладки не установлены, так как край её уходит в южную и восточную стенки раскопа. Следы термического воздействия на камни не зафиксированы, иных находок нет.

В планиграфии раскопанной части памятника кладки 1–3 образуют цепочку, вытянутую с северо-запада на юго-восток (рис. 3, 1, № 1–3). Стратиграфически все три сооружения возведены примерно на одном уровне и, по-видимому, являются синхронными. Остатки каменных конструкций зафиксированы и в других частях раскопа.

Кладка 4 расчищена в западной части раскопа в квадратах А/1 и А/2 (рис. 3, 1, № 4). Объект имеет подовальную форму, размеры 0,50 x 0,30 м, мощность до 0,07 м. Уровень основания кладки – 60 см. Каменная конструкция сложена из мелкого, по большей части расколотого галечника (64 экз.). Ни следов воздействия огня, ни находок в сооружении не выявлено.

Помимо описанных объектов зафиксированы ещё три скопления камней, расположенные цепочкой, вытянутой с северо-запада на юго-восток, в центральной части раскопа (рис. 3, 1, № 5–7). **Скопление 1** целиком расположено в квадрате А/4 (рис. 3, 1, № 5), **скопление 2** – в квадрате Б/4 (рис. 3, 1, № 6). Здесь же расчищено **скопление 3** (рис. 3, 1, № 7). По-видимому, камни, расположенные в прилегающих квадратах В/4 и В/5, фиксируют южную границу последнего из перечисленных скоплений. Основания объектов залегают на уровне – 47/–52 см. Неправильная форма и небольшие размеры каменных сооружений не позволяют однозначно идентифицировать их с вышеописанными конструкциями.

Кремированные останки.

В восточной части раскопа в квадратах А/7 и Б/7 на глубине около 0,25 м от современной дневной поверхности в гумусированном суглинке выявлено скопление жжёных фрагментов черепа человека, в том числе коронки зубов (рис. 3, 1, № 8). При зачистке слоя цветовой дифференциации почвы в районе скопления костных останков обнаружено не было. Расчистка находки производилась условными горизонтами. Кремированные останки залежали в

виде пятна подовальной формы, размеры от 0,4 x 0,26 м в верхней части скопления, до 0,45 x x 0,28 м на дне объекта. Мощность костных отложений составила около 0,10 м (от –44/–45 до –50/–55 см).

Планиграфически пятно с кремированными останками располагалось между рядами каменных выкладок 1–3 (рис. 3, 1, № 1–3) и скоплениями камней 1–3 (рис. 3, 1, № 5–7). Стратиграфически верхняя нивелировочная отметка пятна с остатками кремации сопоставима с основанием каменной кладки 1 (рис. 3, 1, № 1), нижняя – с основанием скопления камней 3 (рис. 3, 1, № 7). Учитывая данные стратиграфии и особенности рельефа местности, можно констатировать, что каменные кладки и скопления камней лежат на уровне древней дневной поверхности, а это, в свою очередь, означает, что и кремированный череп был оставлен на поверхности, возможно, во вместилище из органических материалов. Иначе говоря, каменные сооружения синхронны времени появления на памятнике кремированных останков. Локализация костного материала в гумусированном слое, без нарушений нижних подстилающих горизонтов и, в том числе, материкового слоя, подтверждает это предположение.

Керамический сосуд.

Все фрагменты единственного обнаруженного керамического сосуда выявлены компактным скоплением в слое гумусированного суглинка в западной части раскопа в квадрате Б/2 (рис. 3, 1, № 9). Глубина залегания находки составляет около 30 см от дневной поверхности (–59/–60 см). Планиграфически сосуд расположен между каменной кладкой 4 (рис. 3, 1, № 4) и скоплениями камней 1–3 (рис. 3, 1, № 5–7). Глубина залегания основания сосуда соответствует уровню залегания основания каменной кладки 4 (рис. 3, 1, № 4). Этот факт, а также отсутствие фрагментов дна сосуда (рис. 4, 2) являются основанием для предположения о том, что он был оставлен на дневной поверхности памятника, синхронен каменным сооружениям и объекту с кремацией.

По обнаруженным фрагментам сосуда произведена его графическая реконструкция (рис. 4, 1). Это была приземистая чаша, диаметр венчика которой равен её высоте и составлял 20 см. Чаша имеет прямой срез венчика без внутреннего карниза. Внутренняя и внешняя поверхности сосуда заглажены грубым лощилом, оставившим следы – «расчёсы» (рис. 4, б, в, г). Верхняя часть чаши декорирована. Орнамент представлен двумя парами горизонтальных рядов оттисков уточки, разделённых рядом круглых ямок. Завершают композицию два горизонтальных ряда оттисков скобовидных штампов (рис. 4, а). Декор сосуда позволяет однозначно рассматривать его как кулайский. Особенности орнаментальной композиции, виды и размеры использованных штампов характерны для посуды рубежа раннекулайского и познекулайского этапов развития культуры, что в абсолютной хронологии может соот-

ветствовать III–I в.в. до н.э., возможно, с заходом в I тыс. н.э. Принимая во внимание стратиграфические наблюдения о синхронности каменных кладок и скоплений, объекта с кремацией и керамического сосуда, уместно предположить, что хронология чаши является основанием для предварительной датировки всего комплекса Ивановка 1/2.

Шлифовальный камень.

Единственным орудием труда, обнаруженным в небольшом по площади раскопе, является шлифовальный камень. Он изготовлен из сланцевой плитки подпрямоугольной формы, имеет сечение в виде овала с приострёнными длинными краями, размеры 3,0 x 6,0 x 0,4 см. Оба конца абразива обломаны (рис. 5). Широкие поверхности каменного изделия имеют следы зашлифованности и мелкие царапины, что позволяет установить его функциональное назначение. Стратиграфически и планиграфически камень связан с кулайским комплексом. Он был обнаружен в квадрате А/6 рядом с кремированным черепом (северо-западнее), в одном с ним слое, на одной глубине (–45 см) (рис. 3, 1, № 10).

Обсуждение и интерпретация материалов.

Данные стратиграфии показывают, что все каменные сооружения на памятнике являются синхронными. Несмотря на то что каменные кладки, расположенные в восточной части раскопа, расчищены не полностью, а в западной части раскопа обнаружена лишь одна кладка, нельзя не заметить, что вместе со скоплениями камней каменные сооружения образуют определённые последовательности. Планиграфически (принимая во внимание степень изученности памятника) они обнаруживают тенденцию к расположению параллельными рядами, вытянутыми с северо-запада на юго-восток (рис. 3, 1). Не исключено, что продолжение стационарных работ внесёт определённые коррективы в данное наблюдение. Однако такое предположение не кажется слишком смелым, учитывая, что аналогичные конструкции выявлены на нескольких исследованных памятниках Западной Сибири.

Каменные кладки хорошо известны со времени изучения поселения Самусь IV В.И. Матюшенко как «каменные очаги». Исследователь отмечал, что они «образуют на раскопанном участке хорошо уловимый порядок в расположении – ряды, параллельные друг другу» [2. С. 47]. Продолживший раскопки поселения Е.А. Васильев, характеризуя каменные выкладки, подчёркивал, что ни в самих выкладках, ни рядом с ними не обнаружено следов огня (углей, золы, прокалов), которые позволили бы квалифицировать объекты как очаги. Отмечено также, что каменные сооружения на памятнике образуют длинные параллельные цепочки, вытянутые с севера на юг [3. С. 117]. Судя же по общему плану раскопа поселения Самусь IV, опубликованному В.И. Матюшенко, цепочки вытянуты с северо-запада на юго-восток [2]. Важно и то, что среди много-

численных, но недостаточно глубоко изученных находок, обнаруженных на памятнике, представлен кулайский комплекс артефактов (например, находки, опубликованные В.И. Матющенко) [4. С. 194], анализ которого является актуальной задачей. Скопления камней в виде круга или овала, расположенные рядами, расчищены на городище Усть-Полуй [5]. И хотя каменные сооружения представлены здесь несколькими видами и, несомненно, имели разное назначение [5. С. 4], среди них известны и конструкции без следов воздействия огня, подобные выявленным на поселении Ивановка 1 [5. С. 40, 42, 44, 46]. Отметим, что на Усть-Полуе также хорошо прослеживается ориентация рядов скоплений камней по линии северо-запад – юго-восток [5. С. 45]. Каменные кладки без следов воздействия огня обнаружены и на городище Рюзаково в Томском Приобье. Таким образом, каменные сооружения в виде кладок и скоплений камней представлены в материалах памятников раннего железного века, рассматриваемых в рамках кулайской культурно-исторической общности или содержащих кулайские материалы. Это, однако, не исключает возможности зарождения указанной традиции в предшествующее время.

Общими чертами памятников являются: отсутствие жилых построек, расположение округлых каменных конструкций параллельными цепочками, наличие находок сакрального или полифункционального назначения, следов ритуальной деятельности. Исследователи памятников с каменными кладками и учёные, обращавшиеся к их материалам, полагают, что памятники имеют культовое значение. Поддерживая высказывавшееся неоднократно мнение о культовом назначении поселения Самусь IV [6. С. 99; 7. С. 101], Е.А. Васильев акцентирует сакральный характер комплексов Самусь IV, которые могут быть интерпретированы через участие в обрядах носителей различных культурных традиций [3. С. 120]. По мнению исследователя, имеющаяся информация свидетельствует о церемониальном назначении возведённых на памятнике каменных выкладок [Там же. С. 117]. Результатом десятилетия исследований на Усть-Полуе явилось вполне обоснованное, на наш взгляд, заключение учёных о функционировании памятника как святилища [8, 9]. Преимущественно культовым было и назначение городища Рюзаково [10. С. 62]. Об этом свидетельствуют: особенности исследованных на памятнике объектов и фортификации; отсутствие остатков построек и жилищ на раскопанной части памятника и визуально фиксируемых на нераскопанной; состав комплекса выявленных артефактов и их распространение скоплениями, ориентированными в меридиональном направлении [10]. Поскольку перечисленные особенности сакральных центров – «этнографическая ситуация» в археологическом памятнике¹ – присущи и комплексу Ивановка 1/2, предполагаем, что аналогичным было и его назначение. Вероятно, к числу культовых (жертвен-

ных) комплексов относится также исследованный ранее ниже по течению от поселения Ивановка 1 археологический памятник Новороманово 2. Здесь в трёх автономных раскопах, заложенных вдоль края террасы на расстоянии 20–30 м друг от друга, обнаружены каменные конструкции подпрямоугольной и округлой формы [13]. Однако отсутствие чётких культурно-хронологических идентификаторов среди материалов местонахождения не позволяет пока отнести комплекс к кругу памятников кулайской общности.

В пользу высказанного предположения о культовом характере комплекса Ивановка 1/2 свидетельствуют также иные находки, выявленные на памятнике. Прежде всего это касается комплекса с кремацией. В настоящее время имеются многочисленные данные, демонстрирующие наличие человеческих останков (возможно, жертвоприношений) или погребений на культовых комплексах кулайской КИО (Саровское и Сперановское городища, городище Барсов городок 1/20, Усть-Полуйское святилище, Кулайское и Парабельское культовые места и др.). Однако кремированные останки людей на святилищах нам пока не известны². Справедливости ради следует заметить, что далеко не всегда остеологический материал, а тем более остатки кремации, передаётся для исследований специалистам.

На особый статус кулайского археологического комплекса указывает также находка шлифовального камня в непосредственной близости от кремированного черепа. Нам уже приходилось отмечать факт использования кулайцами абразивных камней в ритуально-обрядовых циклах [15. С. 367]. Новая находка не противоречит этим наблюдениям и может быть интерпретирована как вещественное выражение акционального (действенного) аспекта ритуала преодоления смерти на пути к возрождению. Следы повреждений изделия являются косвенным подтверждением использования шлифовального камня в обряде жертвоприношения. Широкий географический и хронологический спектр аналогов³ орудий жертвоприношения указывает на универсальность подобных представлений, что подтверждается и исследованиями в области аналитической психологии [20].

Таким образом, комплекс поселения Ивановка 1/2 демонстрирует сочетание археологических объектов и находок, устойчиво повторяющихся на нескольких памятниках с кулайскими древностями. Эта сочетаемость рассматривается нами как «этнографическая ситуация» в археологическом памятнике, которая даёт основание поставить вопрос о специфическом типе культовых комплексов историко-культурной общности. Комплекс Ивановка 1/2 является первым выявленным археологическим памятником, оставленным в изучаемом регионе мигрантами из Среднего Приобья – создателями кулайской культуры и культурно-исторической общности. Несомненно, его материалы

помогут пролить свет на культурно-исторические процессы, протекавшие в Нижнем Притомье в раннем железном веке. Вместе с тем открытие кулайского археологического комплекса в непосредственной близости от Томской писаницы, по-видимому, актуализи-

рует проблему культурно-хронологической идентификации ряда нижнетомских петроглифических изображений, остро обсуждаемую учеными на протяжении десятилетий [21–26], а также проблему генезиса кулайской изобразительной традиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Понятие, предложенное Д.Г. Савиновым для обозначения сочетания нескольких связанных между собой элементов, свидетельствующего о неслучайности их совместного нахождения [11. С. 7; 12. С. 328].

² Здесь мы не учитываем материалы некрополей, хотя объекты с кремацией из могильника Шеркалы IX Л.А. Чиндина интерпретирует как могилы-жертвенники [14. С. 56].

³ В археологии Западной Сибири использование камней со следами зашлифованности и залощенности (г-образных предметов, шлифовальных камней, оселков, тёрочников, жерновов, лошил и пр.) в ритуальных комплексах фиксируется, по крайней мере, начиная с эпохи ранней бронзы [16. С. 19, 20; 17. С. 51; 18. С. 28; 19. С. 63 и др.]. Яркое подчёркивают значение камня и каменных изделий в организации ритуальных комплексов сооружения и конструкции Усть-Полуйского святилища [8. С. 26]. Представляется, что некоторое пренебрежение к данному виду источника в процессе археологических раскопок, особенно к камням без следов обработки на «поселенческих» памятниках, уже привело к утрате определённой части информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю., Панкратова Л.В., Конончук К.В. Поселение Ивановка 1 на юге Нижнего Притомья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. Т. 19. С. 175–179.
2. Матюченко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 2: Самусьская культура // Из истории Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1973. Вып. 10. 210 с.
3. Васильев Е.А. Самусь IV: старые проблемы на фоне новых исследований. О Владимире Ивановиче, студенчестве и Самусь IV // Археологические материалы и исследования Северной Азии древности и Средневековья. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. С. 114–127.
4. Матюченко В.И. Некоторые новые материалы по самусьской культуре // Проблемы археологии Урала и Сибири. М. : Наука, 1973. С. 191–198.
5. Гусев А.В. Камень в системе конструкций Усть-Полуя и этнографические параллели // Археология Арктики : материалы Междунар. науч.-практич. конф., посвящ. 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй». Екатеринбург : Деловая пресса, 2012. С. 36–47.
6. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М. : Наука, 1981. 277 с.
7. Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск : Наука, 1989. 168 с.
8. Гусев А.В., Фёдорова Н.В. Древнее святилище Усть-Полуй: конструкции, действия, артефакты. Итоги исследований планиграфии и стратиграфии памятника: 1935–2012 гг. Салехард : Изд-во ГУ «Северное изд-во», 2012. 59 с.
9. Гусев А.В., Фёдорова Н.В. Древнее святилище Усть-Полуй: размышления *post factum* // Археология Арктики : материалы Междунар. науч.-практич. конф., посвящ. 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй». Екатеринбург : Деловая пресса, 2012. С. 22–29.
10. Рыбаков Д.Ю. Комплексные исследования городища Рюзаково (Духовое) // Проблемы археологии и истории Северной Евразии : сб., посвящ. юбилею Л.А. Чиндиной. Томск : Аграф-Пресс, 2009. С. 57–67.
11. Савинов Д.Г. Об основных принципах археолого-этнографических реконструкций // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1990. С. 5–8.
12. Савинов Д.Г. Ритуальный предмет/изображение (о дифференцированном подходе к интерпретации) // II Северный археологический конгресс. Доклады. Екатеринбург : Чароид, 2006. С. 322–337.
13. Бобров В.В., Ковтун И.В., Марочкин А.Г. Археологические комплексы в Нижнетомском очаге наскального искусства // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. XV. С. 214–219.
14. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. 255 с.
15. Панкратова Л.В. Камень с гравировкой из поселения Половинка-I // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. Санкт-Петербург – Москва – Великий Новгород, 2011. С. 366–367.
16. Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск : Наука, 1979. 119 с.
17. Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е. Новый турбино-сейминский могильник Шипуново-V на Алтае // Историко-культурное наследие Северной Азии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 43–52.
18. Новиков А.В., Волков П.В., Галямина Г.И. Каменное антропоморфное изображение из Крохалёвки-5 // Уральский исторический вестник. 2010. Вып. № 1 (26). С. 21–31.
19. Корякова Л.Н., Шарапова С.В., Ковригин А.А. Прыговский 2 могильник: кочевники и лесостепь // Уральский исторический вестник. 2010. Вып. № 2 (27). С. 62–71.
20. Юнг К.Г. Перемещение либидо как источник творчества // Между Эдипом и Озирисом: Становление психологической концепции мифа. Львов : Совершенство, 1998. С. 247–275.
21. Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. М. : Наука, 1971. 119 с.
22. Бобров В.В. Сходство изображений оленей из бронзы и на петроглифах // Материалы зонального совещания археологов и этнографов : тез. докл. и сообщ. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1972. С. 26, 27.
23. Бобров В.В. Петроглифы Сибири и кулайская металлопластика // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции : материалы тематич. науч. конф. СПб. : Ист. фак-т СПбГУ, 2004. С. 309–313.
24. Окладников А.П., Мартынов А.И. Сокровища томских писаниц. М. : Искусство, 1972. 257 с.
25. Ковтун И.В. Петроглифы Висящего Камня и хронология томских писаниц. Кемерово : Кузбассвуиздат, 1993. 140 с.
26. Ковтун И.В. Изобразительные традиции эпохи поздней бронзы Центральной и Северо-Западной Азии: (Проблемы генезиса и хронологии иконографических комплексов северо-западного Саяно-Алтая). Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. 184 с.

Pankratova Lyudmila V. Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation), Marochkin Aleksey G. Institute of Human Ecology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation), Yurakova Alena Yu. Institute of Human Ecology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: solomila@mail.ru; comcon@yandex.ru; yurakova_al@mail.ru.

CULT COMPLEX OF KULAI CULTURE IN KUZNETSKIY PRITOMYE.

Key words: the Early Iron Age; Kulai cultural-historical community; Pritomye; cult complex; migration.

The article covers the data, collected in Kulai Early Iron Age complex in Ivanovka 1/2 in 2013 during the stationary research of Krokhal'ev's Bronze Age culture, that was conducted in Ivanovka 1 in Yashkino area of Kemerovo region. The elements of stone constructions (masonries) laid in a row, remains of the cremated human skull, broken ceramic vessel and shale abrasive were found in the small territory of excavation, which was carried out to distinguish the borders of the archeological find. All the objects mentioned above were situated in the same stratigraphic horizon, which, on the basis of vessel's decoration analysis, belonged to the period between Early Kulai and Late Kulai development stages of the Kulai culture. In absolute chronology it may belong to the time period between the III-I century B.C. and, probably, the end of 1000 B.C. It was established, that the similar combination of archeological objects was persistently found in the several monuments containing Kulai antiquities. The common traits of the monuments are as follows: absence of residential facilities, masonry constructions located on the surface in a way of parallel chains, directed from the northwest to the southeast, presence of the sacral and polyfunctional finds, as well as traces of ritual activity. Such complexes were found on the territory of Samus IV settlement, (Tomsk Priob'ye) to the numerous findings of which also belong Kulai materials, which were discovered in sanctuary settlement Ust'-Polui (Nizhneye Priob'ye) and Ryuzakovo settlement (Tomsk Priob'ye). Researches of the mentioned monuments emphasize their sacral (cultural) nature. Apparently, the archaeological monument Novoromanovo 2, located down the Tom river from Ivanovka 1 settlement, and which was examined earlier, also relates to the one of religious and sacrificial complexes mentioned above, since in occupation layer of the monument rectangular and rounded masonry constructions were found. However, for lack of the clear cultural and chronological identifiers of the archeological material, it is not yet possible to reckon the complex to the group of Kulai monuments. The compatibility of the objects and findings constantly found in other archeological complexes is considered as "ethnographical situation" of archeological monument. Ethnographical situation gives us reason to raise a question considering a specific type of cultural complexes of Kulai cultural-historic community. Ivanovka 1/2 complex is the first archeologically identified monument that was left in the research area by the migrants coming from Sredneye Priob'ye – creators of the Kulai culture and its cultural-historic community. Obviously, the information collected in complex will help to clarify cultural-historic processes, which were taking place in Nizhneye Priob'ye in the period of the Early Iron Age. At the same time, the discovery of Kulai archeological complex, situated in the immediate vicinity of Tomsk carving, apparently actualizes the cultural and chronological identification problem of the certain petrographic images found in Nizhniy Tomsk area which was been actively discussed by scientists for decades, as well as the genesis of the Kulai graphic tradition.

REFERENCES

- Bobrov V.V., Marochkin A.G., Yurakova A., Pankratov L.V., Kononchuk K.V. *Poselenie Ivanovka 1 na yuge Nizhnego Pritom'ya* [Settlement Ivanovka 1 in the South of Nizhneye Pritomye]. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [The problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk: Institute of archeology and ethnography of SB RAS Publ., 2013. Vol. 19, pp. 175-179.
- Matyushchenko V.I. *Drevnyaya istoriya naseleniya lesnogo i lesostepnogo Priob'ya (neolit i bronzovyy vek). Ch. 2: Samus'skaya kul'tura* [The ancient history of the population living in the forest and forest-steppe Priob'ye (Neolithic and Bronze Age). Part 2: Samus Culture]. In: *Iz ucmopuu Cибирu* [From history of Siberia]. Tomsk: Tomsk University Publ., 1973. Issue 10, 210 p.
- Vasilyev E.A. *Samus' IV: starye problemy na fone novykh issledovaniy. O Vladimire Ivanoviche, studenchestve i Samus' IV* [Samus IV: old issues against the background of new research. About Vladimir Ivanovich, the students and Samus IV]. Devlet M.A., Chindina L.A. *Arkheologicheskie materialy i issledovaniya Severnoy Azii drevnosti i srednevekov'ya* [Archaeological materials and researches of North Asia of Old and the Middle Ages]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2007, pp. 114-127.
- Matyushchenko V.I. *Nekotorye novye materialy po samus'skoy kul'ture* [Some new materials on Samus culture]. In: Smirnov A.P. (ed.) *Problemy arkheologii Urala i Sibiri* [Problems of Archeology of the Urals and Siberia]. Moscow: Nauka Publ., 1973, pp. 191-198.
- Gusev A.V. [The stone in the system of structures of Ust'-Poluy and ethnographic parallels]. *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Arkheologiya Arktiki"* [Proc. of the International scientific-practical conference "Archaeology of Arctic"]. Yekaterinburg, 2012, pp. 36-47. (In Russian).
- Kosarev M.F. *Bronzovyy vek Zapadnoy Sibiri* [The Bronze Age in Western Siberia]. Moscow: Nauka Publ., 1981. 277 p.
- Molodin V.I., Glushkov I.G. *Samus'skaya kul'tura v Verkhnem Priob'e* [Samus culture in the Upper Ob Region]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1989. 168 p.
- Gusev A.V., Fedorova N.V. *Drevnee svyatilishche Ust'-Poluy: konstruktii, deystviya, artefakty. Itogi issledovaniy planigrafii i stratigrafii pamyatnika: 1935–2012 gg.* [Ancient sanctuary Ust'-Poluy: design, actions, artifacts. Results of the monument stratigraphy and planigraphy studies: 1935–2012]. Salekhard: Severnoe izd-vo Publ., 2012. 59 p.
- Gusev A.V., Fedorova N.V. [Ancient sanctuary Ust'-Poluy: reflections post factum]. *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Arkheologiya Arktiki"* [Proc. of the International scientific-practical conference "Archaeology of Arctic"]. Yekaterinburg, 2012, pp. 22-29. (In Russian).
- Rybakov D.Y. *Kompleksnye issledovaniya gorodishcha Ryuzakovo (Dukhovoe)* [Complex Investigations of the Settlement Ryuzakovo (Duhovnoe)]. In: Chernaya M.P. (ed.) *Problemy arkheologii i istorii Severnoy Evrazii* [Problems of archeology and history of Northern Eurasia]. Tomsk: Agra-Press Publ., 2009, pp. 57-67.
- Savinov D.G. *Ob osnovnykh printsipakh arkheologo-etnograficheskikh rekonstruktsiy* [On Basic Principles of Archaeological and Ethnographic Reconstructions]. In: *Problemy istoricheskoy interpretatsii arkheologicheskikh i etnograficheskikh istochnikov* [Problems of historical interpretation of archaeological and ethnographic sources]. Tomsk, 1990, pp. 5-8.
- Savinov D.G. [The ritual object/image (on a differentiated approach to interpretation)]. *II Severnyy arkheologicheskii kongress* [II North Archaeological Congress]. Yekaterinburg, 2006, pp. 322-337. (In Russian).
- Bobrov V.V., Kovtun I.V., Marochkin A.G. *Arkheologicheskie komplekсы v Nizhnetomskom ochage naskal'nogo iskusstva* [Archaeological complexes in Nizhnetomsk focus of rock art]. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [The problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk: Institute of archeology and ethnography of SB RAS Publ., 2013. Vol. 19, pp. 175-179.

- gy, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk: Institute of archeology and ethnography of SB RAS Publ., 2009. Vol. 15, pp. 214-219.
14. Chindina L.A. *Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu zheleza* [The ancient history of the Middle Ob in the Iron Age]. Tomsk: Tomsk University Publ., 1984. 255 p.
15. Pankratova L.V. [The engraved stone from the settlement Polovinka-I]. III (19th) *Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda. T. I.* [Works of III (XIX) All-Russian Archaeological Congress. Vol. I.]. St. Petersburg-Moscow-Novgorod, 2011, pp. 366-367. (In Russian).
16. Kubarev V.D. *Drevnie izvayaniya Altaya (Olennye kamni)* [Ancient statues of Altai (Olennye Stones)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1979. 119 p.
17. Kiryushin Yu.F., Ivanov G.E. *Novyy turbino-seyminskiy mogil'nik Shipunovo-V na Altae* [New Turbino-Seima Burial Shipunovo-V in Altai]. In: Tishkin A.A. (ed.) *Istoriko-kul'turnoe nasledie Severnoy Azii* [Historical and cultural heritage of Northern Asia]. Barnaul: Altai State University Publ., 2001, pp. 43-52.
18. Novikov A.V., Volkov P.V., Galyamina G.I. *Kamennoe antropomorfnoe izobrazhenie iz Krokholevki-5* [The stone anthropomorphic image from Krokholevka-5]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – The Ural Historical Journal*, 2010, Issue no. 1 (26), pp. 21-31.
19. Koryakova L.N., Sharapova S.V., Kovrigin A.A. *Prygovskiy 2 mogil'nik: kochevniki i lesostep'* [Prygovsky 2 Burial: nomads and forest-steppe]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – The Ural Historical Journal*, 2010. Issue no. 2 (27), pp. 62-71.
20. Yung K.G. *Peremeshchenie libido kak istochnik tvorchestva* [Libido motion as a source of creativity]. In: *Mezhdru Edipom i Ozirisom* [Between Oedipus and Osiris]. Translated from German. Lvov: Sovershenstvo Publ., 1998, pp. 247-275.
21. Chernetsov V.N. *Naskal'nye izobrazheniya Urala* [Rock carvings of the Urals]. Moscow: Nauka Publ., 1971. 119 p.
22. Bobrov V.V. [The similarity of deer images in bronze and petroglyphs]. *Materialy zonal'nogo soveshchaniya arkheologov i etnografov* [Proc. of Archeologists and Ethnographers Zonal Meeting]. Tomsk, 1972, pp. 26-27. (In Russian).
23. Bobrov V.V. [Petroglyphs of Siberia and Kulay metal-plastik]. *Materialy tematicheskoy nauchnoy konferentsii "Izobrazitel'nye pamyatniki: stil', epokha, kompozitsii"* [Proc. of the thematic conference "Picture monuments: style, era, composition"]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ., 2004, pp. 309-313. (In Russian).
24. Okladnikov A.P., Martynov A.I. *Sokrovishcha tomских pisanits* [Treasures of Tomsk carvings]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1972. 257 p.
25. Kovtun I.V. *Petroglify Visyashchego Kamnya i khronologiya tomских pisanits* [The petroglyphs of Hanging Stone and chronology of Tomsk Carvings]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 1993. 140 p.
26. Kovtun I.V. *Izobrazitel'nye traditsii epokhi pozdney bronzy Tsentral'noy i Severo-Zapadnoy Azii* [Pictorial traditions of the late Bronze Age in Central and North-West Asia]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography SB RAS Publ., 2001. 184 p.